

Джон Норвич

Расцвет и закат Сицилийского королевства

*Нормандцы
в Сицилии*

1130—1194

Джон Норвич

**Расцвет и закат Сицилийского
королевства. Нормандцы
в Сицилии. 1130-1194**

«Центрполиграф»

Норвич Д. Д.

Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии.
1130-1194 / Д. Д. Норвич — «Центрполиграф»,

В книге рассказывается о том, как в поисках славы и удачи нормандцы прибыли на юг Италии, где под властью сарацин, раздираемая на части местными правителями и церковниками, изнывала Сицилия. Медленно, но неотвратимо шел процесс объединения государства. Не было народов второго сорта: нормандцы, итальянцы, лангобарды, сарацины, греки – всем следовало сыграть свою роль. Звезда Отвилей, столь ярко вспыхнувшая над тремя континентами, угасла менее чем через два столетия.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джон Норвич

Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. 1130—1194

Часть первая УТРЕННИЕ БУРИ

Глава 1 ЦЕНА КОРОНЫ

Сколько ужасных тревожений произошло от великого столкновения, когда сын Петра Леони выступил с севера против благословенной памяти Иннокентия... Не унесло ли с собой его падение часть звезд?

Иоанн Солсберийский Polycraticon, VIII, xxiii

В день Рождества 1130 г. Рожер де Отвиль был коронован королем Сицилии в кафедральном соборе в Палермо. Прошло сто тринадцать лет с тех пор, как первые группы молодых нормандских авантюристов прибыли на юг Италии – якобы в ответ на призыв о помощи, обращенной к ним лангобардскими националистами в пещере Архангела Михаила на горе Монте-Гаргано, но в действительности в поисках славы и удачи; шестьдесят девять лет минуло с того момента, как армия дяди Рожера, Роберта Гвискара, герцога Апулийского, впервые высадилась на сицилийской земле. Бесспорно, продвижение было медленным; в тот же период Вильгельм Завоеватель подчинил себе Англию за несколько недель. Но страна, доставшаяся Вильгельму, была централизованным, хорошо организованным государством, с уже достаточно сильным нормандским влиянием, в то время как Роберт и его товарищи столкнулись с полнейшим хаосом – южная Италия, раздираемая на части притязаниями папства, двух империй, трех народов и множества возникающих, исчезающих и меняющих свои очертания княжеств, герцогств и мелких баронств; Сицилия, которая томила два столетия под владычеством сарацин, где греческое христианское меньшинство оставалось беспомощным, пока алчные местные эмиры непрерывно грызлись за власть.

Мало-помалу устанавливался порядок. Отец Рожера Рожер I, великий граф Сицилии, потратил последние тридцать лет своей жизни на то, чтобы объединить разные области острова и различные народы, его населяющие. С прозорливостью, редкой для его времени, он понял с самого начала, что именно здесь лежит единственная надежда на успех. Не должно быть сицилийцев второго сорта. Каждому народу – нормандцам, итальянцам, лангобардам, грекам, сарацинам – следует отвести свою роль в новом государстве. Арабский и греческий, наравне с латынью и нормандским диалектом французского, стали официальными языками. Грек получил должность эмира Палермо – этот красивый и звучный титул Рожер не видел оснований менять; другому греку был препоручен быстро растущий флот. Контроль за казначейством и чеканку монет граф отдал в руки сарацин. Особые сарацинские подразделения были созданы в армии; они быстро снискали себе отличную репутацию благодаря своей преданности и организованности и сохраняли ее в течение столетия. Мечети по-прежнему наполнялись толпами

правоверных, и одновременно по всему острову возникали христианские церкви, и латинские, и греческие, многие из которых основал сам Рожер.

Мир, как всегда, способствовал развитию торговли. Узкий пролив, очищенный наконец от сарацинских пиратов, вновь стал безопасен для судоходства; Палермо и Мессина, Катания и Сиракузы стали первоначальными пунктами на пути в Константинополь и новые королевства крестоносцев в Леванте. В результате к моменту смерти великого графа в 1101 г. Сицилия его трудами превратилась в страну разнородную по населению, религиям и языкам, но объединенную верностью своему христианскому правителю и обещающую в скором времени стать самым процветающим государством Средиземноморья, если не Европы.

Рожер II продолжил его дело. Он хорошо подходил для этой роли. Рожденный на юге от итальянской матери, воспитанный греческими и арабскими наставниками, он вырос в космополитической атмосфере терпимости и взаимоуважения, созданной его отцом, и интуитивно понимал сложную систему ограничений и уравнивающих воздействий, от которой зависела внутренняя стабильность его страны. В нем мало что осталось от нормандского рыцаря. Он не обладал ни одним из тех бойцовских качеств, которые принесли славу его отцу и дядям и на памяти одного поколения прославили безвестного нормандского барона по всему континенту. Но из всех братьев Отвиль только один, его отец, дорос до государственного деятеля. Остальные, даже Роберт Гвискар, при всей своей гениальности до конца оставались воинами и людьми действия. Рожер II был другим. Он не любил войну и, не считая пары злосчастных экспедиций своей юности, в которых он не принимал личного участия, по возможности ее избегал. Южанин по внешности и восточный человек по темпераменту, он унаследовал от своих нормандских предков только энергию и честолюбие, которые сочетались с его собственным дипломатическим даром; и эти качества в гораздо большей степени, чем доблесть на поле битвы, позволили ему приобрести герцогства Апулии и Калабрии и таким образом в первый раз со времен Гвискара объединить южную Италию под властью одного человека.

На мосту через реку Сабато, за стенами Беневенто на закате 22 августа 1128 г. папа Гonorий подтвердил права Рожеера II на три герцогства; и тот поднялся с колен одним из самых могущественных правителей Европы. Имелась только еще одна цель, достигнув которой он мог бы держаться на равных с другими государями и окончательно утвердить свою власть над новыми южноитальянскими вассалами. Этой целью была королевская корона; и через два года Рожер ее получил. Смерть Гонория II в начале 1130 г. привела к спору за папскую кафедру, в результате чего два кандидата были одновременно возведены на престол святого Петра. История этих двух избраний уже рассказывалась, и нет необходимости повторять ее в деталях; достаточно заметить, что и то и другое происходило в нарушение установленных правил и теперь трудно решить, кто из соперников имел больше прав. Первый избранник, принявший имя Иннокентий II, вскоре склонил на свою сторону весь континент, его соперник, Анаклет II Пьерлеони, пользовался поддержкой в Риме, но и только; как многие его предшественники, он в трудную минуту обратился за поддержкой к нормандцам, и сделка состоялась. Рожеер обещал Анаклету свою поддержку; в обмен на это и под сюзеренитетом папы он стал королем одного из трех обширнейших королевств Европы.

Соглашение было, строго говоря, даже более выгодно для Анаклета, чем для Рожеера. Он имел изначально достаточно сильную позицию. Его избрание было неканоничным, но не более, чем у его соперника, и определенно отражало взгляды большинства курии; при любом свободном голосовании всех кардиналов Анаклет легко вышел бы победителем. Даже в сложившейся ситуации он был провозглашен двадцатью одним из них. Его набожность была всеми признана, его энергия и способности не подвергались сомнению. Почему же, в таком случае, всего через четыре месяца после того, как жалкий Иннокентий вынужден был бежать из города, Анаклет, в свою очередь, ощутил, что почва уходит у него из-под ног?

Частично следует винить его самого. Хотя он подвергался таким поношениям, что теперь почти невозможно составить четкое представление о его характере, ясно, что он был снедаем честолюбием и не очень разборчив в средствах при достижении своих целей. При всех его реформистских симпатиях он не колеблясь использовал огромные богатства собственной семьи, чтобы купить поддержку аристократии и народа в Риме. Нет основания предполагать, что Анаклет был более испорчен, чем большинство из его коллег, но слухи о его подкупах усердно распространялись его врагами, которые дополняли их зловещими рассказами о разграблении церковного имущества подвластных ему римских церквей; и они находили благодарную аудиторию в лице тех обитателей северной Италии и других стран, чьи уши не были оглушены бряцанием золота Пьерлеони. Парадоксальным образом Анаклет тоже оказался в ловушке – ибо его должность и обязанности держали его в Латеране, пока Иннокентий ездил по Европе, собирая сторонников. Но все эти соображения отступали на второй план перед одним обстоятельством, которое, будучи брошено на чашу весов, перевесило все остальное, вместе взято, и окончательно разрушило амбиции и надежды Анаклета. Это был Бернар Клервоский.

Святому Бернару было сорок лет, и он являлся подлинным властителем душ во всей Европе. Объективному наблюдателю XX в., свободному от воздействия поразительной магнетической силы его личности, силы, позволявшей ему без труда главенствовать над всеми, с кем входил в соприкосновение, Бернар кажется не слишком привлекательной фигурой. Высокий и изможденный, с лицом постоянно омраченным телесными страданиями – следствие жизни, проводимой в жесточайшей аскезе, он был снедаем слепым религиозным рвением, которое не оставляло места терпимости или умеренности. Его общественная жизнь началась в 1115 г., когда настоятель Сито англичанин Стефан Хардинг удачно освободил Бернара от необходимости соблюдать предписанный распорядок монастырской жизни, отправив основывать дочернее аббатство в Клерво в Шампани; с этого момента, отчасти против его воли, влияние аббата Клерво стало расти; и последние двадцать пять лет жизни он постоянно ездил, проповедовал, порицал, убеждал, спорил, писал бесчисленные письма и решительно ввязывался в любую ссору, которая, как ему казалось, затрагивала основные принципы христианства.

Папская схизма была как раз таким случаем. Бернар не колеблясь провозгласил себя сторонником Иннокентия и начал борьбу не на жизнь, а на смерть. При этом он руководствовался, как всегда, собственными чувствами. Кардинал Аймери, папский секретарь, чьи интриги в пользу Иннокентия стали причиной всего спора, был близким другом Бернара. Анаклет, с другой стороны, являлся выходцем из монастыря Клуни, ненавидимого Бернаром за то, что тот предал реформистские идеалы и поддался искушению богатством и светскостью, с отрицания которых начинали его основатели. Еще хуже – Анаклет был еврейского происхождения; как Бернар позже писал императору Лотарю, «если отпрыск еврея захватит престол святого Петра, это явится оскорблением для Христа». Вопрос о национальности самого святого Петра проповедника, кажется, не занимал.

Когда в начале лета 1130 г. французский король Людовик VI Толстый собрал церковный собор, чтобы получить рекомендацию, кого из двух кандидатов ему следует поддержать, Бернар явился туда во всеоружии. Правильно рассудив, что обсуждение вопроса о каноничности самих выборов принесет ему скорее вред, чем пользу, он немедленно перешел на личности и начал с такой брани, что в представлениях его аудитории давний и повсюду уважаемый член коллегии кардиналов к вечеру превратился едва ли не в Антихриста. Хотя записей заседания в Этампе до нас не дошло, одно из писем аббата, датированное этим временем, вероятно, передает сказанные слова достаточно точно.

Приверженцы Анаклета, пишет он, «заключили соглашение со смертью и вступили в сговор с адом... Отвратительное запустение установилось в Святом месте, ради овладения которым он предал огню святилище Бога. Он преследует Иннокентия и всех невинных («Иннокентий» по-латыни «невинный». – *Примеч. пер.*). Иннокентий бежал перед ним, ибо, когда Лев

рычит (обыгрывание имени Пьерлеони), кто не испугается? Он исполнил повеление Господа: «Когда вас преследуют в одном городе, бегите в другой». Он бежал и своим побегом по примеру апостола доказал, что он сам апостол».

В наше время трудно поверить, что подобные казуистические инвективы могут приниматься всерьез и, мало того, вызывать далеко идущие последствия. Однако Бернар главенствовал на соборе в Этампе, и благодаря ему притязания Иннокентия II получили официальное признание во Франции. Убедить Генриха I Английского оказалось еще проще. Поначалу он колебался; Анаклет был папским легатом при его дворе и его личным другом. Бернар, однако, нанес ему по этому поводу специальный визит, и Генрих уступил. В январе 1131 г. он послал Иннокентию дары и принес ему клятву в Шартрском соборе.

Оставалась последняя проблема – империя. Положение Лотаря, короля Германии, было трудным. Сильный, гордый, упрямый человек шестидесяти лет, он начал жизнь мелким дворянином; его избрали монархом в 1125 г. во многом благодаря влиянию папской партии, действовавшей в содружестве с кардиналом Аймери. Поэтому он должен был благосклонно относиться к Иннокентию. С другой стороны, Анаклет только что прислал необычайно любезные письма ему самому, его королеве, а также духовенству и мирянам Германии и Саксонии, сообщив в них о том, как их братья кардиналы «с чудесным и изумительным единодушием» возвели его на папскую кафедру; следом пришло письмо, извещавшее об отлучении архиврага Лотаря Конрада Гогенштауфена, который также претендовал на германский трон. Лотарь знал, что его победа над Конрадом не станет окончательной до тех пор, пока он сам не будет коронован императором в Риме; невзирая на притязания соперника, он не хотел ссориться с тем из пап, который реально контролировал Рим. Лотарь предпочел откладывать решение как можно дольше, а на письма Анаклета не отвечать.

Но вскоре он обнаружил, что выжидать слишком долго ему не позволят; события развивались слишком быстро. По всей Западной Европе сторонники Иннокентия набирали силу, а после собора в Этампе их влияние и запал еще больше возросли. Осенью 1130 г. они уже могли оказывать давление на Лотаря; совет из шестнадцати германских епископов собрался в Вюрцбурге и высказался за Иннокентия; и в конце марта Иннокентий появился с большой свитой в Льеже, чтобы принять присягу короля.

Лотарь не мог идти против своих епископов; кроме того, именно Иннокентий теперь признавался всеми как папа. Из всех европейских государей Анаклета поддерживал только один человек – Рожер Сицилийский. Этого факта уже было достаточно, чтобы лишить Анаклета какой-либо поддержки императора: по какому праву папа, будь он законный или нет, мог короновать какого-то нормандского выскочку как короля территорий, принадлежащих, собственно, империи? После коронации Рожера у Лотаря не осталось сомнений: папой должен быть Иннокентий. И однако – возможно, в такой же степени, чтобы сохранить лицо, как и по другим причинам, – он выдвинул одно условие: чтобы право утверждения епископов с вручением им кольца и посоха, утраченное империей девятью годами ранее, было возвращено ему и его преемникам.

Лотарь забыл о настоятеле из Клерво. Бернар сопровождал Иннокентия в Льеж; возникшая ситуация была как раз из тех, в которых его таланты проявлялись в полной мере. Вскочив со своего места, он перед всеми собравшимися обрушился на короля с поношениями, призывая его немедленно отказаться от своих претензий и принести клятву истинному папе. Как всегда, его слова – или, скорее всего, сила личности, стоящая за ними, – произвели впечатление. Это была первая встреча Лотаря с Бернаром; не похоже, что кто-то когда-то говорил с королем подобным образом. Лотарь умел проявлять твердость, но в этот раз, по-видимому, интуитивно понял, что сопротивляться невозможно. Он уступил. До того как начался совет, он официально выразил свою покорность Иннокентию и подкрепил собственные слова пред-

ложением, которое папа, вероятно, считал даже более ценным – ввести Иннокентия во главе имперской германской армии в Рим.

Уже во время своей коронации Рожер знал о силах, которые собирались против Анаклета и – поскольку он бесповоротно связал свою судьбу с антипапой – против него самого. Он шел на риск и знал это. Корона действительно была ему политически необходима, но он заплатил за нее тем, что навлек на себя гнев половины континента. В какой-то степени это было неизбежно; появление новой фигуры, сильной и амбициозной, на международной арене редко приветствуется остальными, а Рожер, кроме всего прочего, обзавелся страной, на которую претендовали и Западная и Византийская империи. Хуже было то, что именно в этот момент ему пришлось противостоять не только мирским властителям Европы, но также и духовным – особенно когда среди них находились такие люди, как Бернар Клервоский и аббат Петр из Клуни. В первые месяцы после выборов он мог заключить сделку с любым из претендентов на папство, и насколько более радужным выглядело бы теперь его будущее, если бы Иннокентий, а не Анаклет обратился к нему за помощью. Теперь же у Рожера, наверное, возникало неприятное ощущение, что он поставил не на ту лошадь.

Но империя и церковь, как бы грозно они ни выглядели, не были единственными врагами нового короля. Другие, столь же опасные противники находились значительно ближе. Существовали бароны, которые уже на протяжении сотен лет, еще до Отвилей принципиально противились установлению порядка и объединению полуострова, а кроме того, имелись города. Только в Калабрии, где не было особенно крупных городов, городское население в целом соглашалось принять владичество короля. В Кампании главные города еще не достигли того уровня политического развития, как городские центры севера, где оживление торговли, ослабление контроля со стороны империи и возникновение организованного производства уже привели к образованию независимых торговых городов-республик, столь характерных для средневековой Италии; но новые веяния муниципального самоуправления просочились и на юг, и разнообразие форм, которые они принимали, отражало общую тенденцию отделения. В Апулии в целом было то же самое. Бари превратилось в «синьорию», управляемую знатью при назначаемом князе; в Трое существовала схожая система при главенстве епископа; Мольтетта и Трани являлись коммунами. Ни один из городов не хотел, если оставалась возможность этого избежать, становиться наравне со всеми другими частью хорошо организованной, централизованной монархии. И вскоре они заявили об этом со всей ясностью. Во время своего ураганного продвижения через континентальные герцогства тремя годами ранее Рожер порой разрешал городам, через которые он проходил, в обмен на быстрое подчинение оставлять на стенах и в цитадели местные гарнизоны; подобные соглашения сослужили свою службу, но теперь Рожер не мог допустить дальнейшего сохранения такой ситуации. Отныне его власть, если ей суждено уцелеть, должна была быть абсолютной. В феврале 1131 г. он официально потребовал от горожан Амальфи передать командование городской обороной и ключи от замка в его руки.

Они отказались. Их возражения, что король нарушает условия, на которых они сдались в 1127 г., были справедливы, но, как полагал Рожер, неуместны. Ему действия горожан представлялись вызывающим проявлением непослушания, которое он не собирался терпеть. Георгий Антиохийский, молодой левантский грек, тогда еще только начинавший свою карьеру самого блистательного из сицилийских адмиралов, отправился с флотом к городу с повелением блокировать его с моря и захватить все амальфийские суда, стоящие на рейде; одновременно другой грек, эмир Иоанн, подошел к Амальфи с армией со стороны гор. Против этих мер горожане, оказавшиеся под угрозой осады, ничего не могли поделать. Они держались некоторое время, но, когда они увидели, что Капри и все окрестные укрепления находятся в руках сицилийцев, им оставалось только сдаться.

В двадцати пяти милях от Амальфи, в Неаполе, герцог Сергей VII следил за развитием событий с беспокойством, которое быстро уступило место страху. В какой-то момент он предполагал послать помощь Амальфи, но, узнав о размерах сицилийского войска, быстро изменил свое мнение. Итак, как с удовольствием замечает аббат из Телезе, город, «который с римских времен едва ли когда-либо был покорен силой оружия, Рожер подчинил себе просто силой слухов»¹. В конце концов все территории, предоставленные ему Анаклетом в предыдущем сентябре, благополучно оказались в руках короля.

Отплывая обратно в Палермо тем летом с тремя неаполитанскими кораблями в качестве эскорта, Рожер внезапно попал в сильный шторм. После двух дней, в течение которых казалось, что он и его люди неминуемо погибнут, Рожер дал клятву: если они спасутся, в любом месте на побережье, где они пристанут, он воздвигнет собор в честь Христа Спасителя. На следующий день – это был праздник Преображения – ветер стих и суда благополучно бросили якорь в заливе Чефалу под огромным утесом, поныне вздымающимся над морским берегом к востоку от Палермо. Одно время под этим утесом располагался процветающий маленький городок, служивший резиденцией греческого епископа в византийскую эпоху; но при сарацинской оккупации он пришел в упадок, а в 1063 г. его разграбил и сильно разрушил великий граф. Теперь пришла пора его сыну возместить ущерб. Ступив на берег, он приказал построить в месте высадки часовню в честь святого Георгия, которого, как он уверял, он увидел в разгар шторма, а затем, не откладывая, стал подыскивать место для собора².

Так, по крайней мере, гласит легенда. Ее достоверность оспаривается исследователями уже на протяжении столетия. Доводы скептиков основаны на том, что ни один из тогдашних хронистов – даже аббат из Телезе, который, помимо того что был льстивым биографом Рожера, питал особое пристрастие к историям такого типа – не упоминает ни о чем подобном. Романтики, со своей стороны, ссылаются на документ, обнаруженный в 1880-х гг. в арагонском архиве в Барселоне, который, как они утверждают, не оставляет возможностей для сомнений³.

Аргумент весомый, но не окончательный. Все, что мы можем сказать с уверенностью, – что 14 сентября 1131 г. в Чефалу снова появился собственный епископ – латинский, на этот раз – и к этому времени строительство собора уже началось.

Облик Сицилии быстро меняется. Увы, она, как и другие европейские области и страны, не избежала пристального внимания земельных спекулянтов и торговцев недвижимостью, и многие ее райские уголки теперь осквернены присутствием цементной фабрики или мотеля. Но остров располагает двумя архитектурными шедеврами, при взгляде на которые – издали или вблизи – перехватывает дыхание. Первый – это греческий храм в Седжесте, но то впечатление, которое он производит издали, вызывается по большей части красотой окружающей местности; человека потрясает, помимо всего прочего, расположение здания на возвышенности, сочетание этой возвышенности с окружающими холмами и величие, изолированность и безмолвие. Это не умаляет достоинств самого храма; он великолепен. Но таковы почти все греческие храмы, и они – факт, который надо признать, – очень похожи один на другой.

Второй шедевр – Чефалу; и Чефалу уникален. Когда видишь его впервые с прибрежной дороги на запад, самое его месторасположение выглядит не менее замечательным, чем у храма в Седжесте. От прибрежной полосы, окаймленной опунциями, взгляд поднимается к скоплению кровель в дальнем конце залива. За ними, но все же как часть города встает собор Рожера, возвышающийся над городскими зданиями подобно соборам Линкольна или Дарема. А над

¹ Александр из Телезе. II, xii.

² Это был не первый случай, когда святой Георгий оказывал моральную поддержку нормандцам в тяжелую минуту; читавшие «Нормандцев в Сицилии» (М.: Центрполиграф, 2005) могут вспомнить, как он появился перед отцом Рожера в битве при Черрами в 1063 г.

³ Розарио Сальво ди Пьетраджелли. Легенда о буре и об обете короля Рожера построить храм в Чефалу // Сицилия в искусстве и археологии. Т. II. Июнь – июль 1888 г.

ним поднимается скала, благодаря которой местность получила имя. В древности греческие обитатели этих мест, кажется, видели в ней гигантскую голову, но на самом деле она скорее подобна большим широким плечам, квадратным и массивным, которые дают городу ощущение безопасности и надежности. Не столь близкая, чтобы казаться угрожающей, и не столь отдаленная, чтобы выглядеть случайной деталью, скала объединяется с городом, так что они становятся двумя дополняющими друг друга частями одной величественной композиции. А собор является связующим звеном между ними.

Таково первое впечатление. Но только когда приезжаешь на центральную площадь, открывается все великолепие Чефалу. Снова, но уже по другим причинам поражаешься, с каким мастерством выбрано его расположение. Стоящий на склоне, он оказывается чуть в стороне и чуть выше площади; потому к нему подходишь, как к Парфенону, сбоку и снизу. И по мере того, как приближаешься к нему, растет уверенность, что это не только самая прекрасная из нормандских построек на Сицилии, но и один из самых великолепных соборов в мире. Фасад, каким мы его видим, с двумя пилонами, скорее похожими, нежели одинаковыми, и декоративной аркадой, их соединяющей, датируется 1240 г. – столетием позже правления Рожера. К тому времени смешение восточного и западного стилей, столь характерное для ранней нормандско-сицилийской архитектуры, исчезло; перед нами совершенный образец солнечного южного романского стиля, выдержанного, но не до конца строгого.

Так, по крайней мере, кажется снаружи. Но величайшее чудо Чефалу еще впереди. Поднимитесь теперь по ступеням, пройдите между двумя забавными и милыми барочными епископами, изваянными из камня, пересекуте внутренний двор по направлению к портику с тройной аркой – пристройка XV в., но от этого не ставшая дурной – и вступите в саму церковь. В первый момент вас может постигнуть небольшое разочарование, поскольку тонкие арки – их очертания безошибочно напоминают о близости ислама – между двумя рядами древнеримских колонн почти теряются под тяжеловесным, мертвым декором XVII–XVIII вв. Но вскоре ваши глаза привыкнут к полумраку собора; ваш взгляд устремится вдоль многочисленных колонн к высокому алтарю и скользнет вверх по рядам святых, ангелов и архангелов и, наконец, высоко в конхе большой восточной апсиды встретится с глазами Христа.

Он Вседержитель, повелитель всего. Его правая рука поднята для благословения; в левой он держит книгу, открытую на тексте, начинающемся со слов «Я – Свет для мира». Текст написан по-латыни и по-гречески, ибо эта мозаика, главная достопримечательность романской церкви, чисто византийская по стилю и работе. О мастере, создавшем ее, мы не знаем ничего, кроме того, что Рожер, вероятно, пригласил его из Константинополя и что он, безусловно, был гением. И в Чефалу он создал самое великое изображение Вседержителя – возможно, самое великое из всех изображений Христа – в христианском искусстве. Только одно изображение в Дафни около Афин может с ним сравниться; но хотя они и относятся почти к одному времени, контраст между ними поразителен. Христос из Дафни темен, тяжел, угрожающ; Христос из Чефалу, при всей своей силе и величии, не забыл, что его миссия – искупление. В нем нет ничего мягкого или слащавого; однако печаль в его глазах, открытость его объятий и даже два отдельных локона, спадающие на лоб, говорят о его милосердии и сострадании. Византийские теологи настаивали, что художники, изображая Иисуса Христа, должны стремиться запечатлеть образ Бога. Это нелегкое требование; но в данном случае эта задача была с блеском выполнена.

Снизу в молитве стоит Его Мать. По сравнению с величием Ее сына, в окружении четырех архангелов и из-за ослепительного света, струящегося из нижнего окна, Ее легко можно не заметить: жаль, поскольку, если бы Она стояла одна среди золота – как, например, в апсиде собора в Торчелло, – Ее тоже объявили бы шедевром. (Архангелы, надо заметить, представлены в облачении византийских императоров и даже держат и скипетр и державу – знаки императорской власти.) Ниже – двенадцать апостолов, изображенные не столь условно, как это часто

бывает в восточной иконографии. Они представлены не совсем анфас, а чуть повернувшимися один к другому, словно они беседуют. Наконец, по сторонам от клироса стоят два трона белого мрамора, усеянные красной, зеленой и золотой мозаикой. Один предназначался для епископа; второй – для короля⁴.

Здесь Рожер, должно быть, сидел в свои последние годы, глядя на великолепие, явившееся в мир по его повелению, ибо надпись под окном свидетельствует, что мозаики в апсиде были готовы к 1148 г., за шесть лет до его смерти. Он считал собор своим личным даром Богу и церкви и даже построил в городе дворец, из которого наблюдал за строительством⁵. И не было ничего удивительного в том, что в апреле 1145 г. он избрал собор местом своего погребения, одарив его двумя порфирными саркофагами: один предназначался для его собственных останков, а другой был поднесен, как он указывал, «ради августейшей памяти моего имени и во славу церкви». Печальная история о том, как его желание не было выполнено, так что ныне он лежит не в знаменитом им самим построенном храме, но среди бессмысленных помпезностей Палермского собора, еще будет рассказана в этой книге. Восемь веков спустя трудно надеяться на перемену настроения властей; тем не менее сложно, посетив Чефалу, не вознести к небесам краткой молчаливой молитвы о том, чтобы величайший из сицилийских королей когда-нибудь успокоился в церкви, которую он любил и в которой осталась память о нем.

---

⁴ Верхний ряд мозаики на стенах клироса с надписями на латыни вместо греческого является более поздним, предположительно работа местных художников следующего столетия. То же относится к серафиму на своде.

⁵ Останки этого дворца до сих пор сохранились в так называемой Остерио-Магна на углу Корсо-Руджеро и Виа-Амендола.

Глава 2

МЯТЕЖ В КОРОЛЕВСТВЕ

*Мы за Альпами.
Папа Иннокентий II архиепископу Равенны 16 апреля 1132 г.*

Рожер выдержал один шторм – событие, которому собор в Чефалу является великолепным памятником. Но он знал еще до основания собора, что ему предстоит скоро пережить другую, более серьезную бурю. Лотарь собирался в обещанный поход на Рим с двумя целями – утвердить папу Иннокентия на престоле святого Петра и короноваться в качестве императора. При том что на его стороне были настоятель Клерво, влияние западной церкви и короли Англии и Франции, он имел все шансы на успех; и что, в таком случае, могло помешать ему бросить свои войска на Сицилию, избавив Европу раз и навсегда от ложного папы и его единственного сторонника?

На самом юге он нашел бы достаточную поддержку. Вассалы южной Италии всегда роптали на своих властителей Отвилей. В предшествующее столетие они сидели в печенках у Роберта Гвискара, задерживая его и отвлекая от военных кампаний. Не будь их постоянных восстаний, он мог завершить завоевание Сицилии намного быстрее и закончить жизнь императором Константинополя. Все же Роберту удавалось до определенной степени сохранять свою власть; при его сыне и внуке, которые наследовали ему в качестве герцогов Апулии, герцогская власть превратилась в пустой звук и страна погрузилась в хаос. Вассалы могли творить все, что угодно, воевать и опустошать, грабить и мародерствовать; дошло до того, что, по словам аббата из Телезе, крестьяне не могли спокойно обрабатывать и засеивать свои поля.

Одно их объединяло – решимость сохранить собственную свободу и сопротивляться всяким попыткам восстановить твердое централизованное правление. Тот факт, что их сюзерен теперь был не герцогом, а королем, ничуть не способствовал их примирению с новым порядком. Разумеется, они не питали любви к империи, но, если уж иметь сюзерена, лучше, чтобы он находился как можно дальше, так что седой старый император за Альпами был для них намного привлекательнее и предпочтительнее, нежели решительный и деятельный молодой Отвиль по соседству. Почти сразу же после того, как король вернулся на Сицилию летом 1131 г., двое худших смутьянов, Танкред из Конверсано и князь Гримоальд из Бари, подняли небольшое восстание в Апулии, и к Рождеству порт Бриндизи оказался в их руках.

Король не спешил расправиться с бунтовщиками. Он привык зимовать на Сицилии, и все мысли его были заняты Чефалу. Кроме того, он любил свою жену и свою семью. Королева Эльвира, дочь Альфонсо VI Кастильского, стала женой Рожера четырнадцать лет назад. Мы, к сожалению, знаем о ней мало, но их брак был счастливым, и она подарила мужу семерых детей, в том числе четырех доблестных сыновей, которые в последующие годы стали его ближайшими помощниками. Двое старших – Рожер и Танкред – приезжали в Мельфи в 1129 г., где вместе со своим отцом принимали клятву верности от недовольной апулийской и калабрийской знати; но обычно мать и дети оставались на Сицилии, и этим летом у Рожера не было возможности их видеть.

В марте 1132 г., однако, Рожер уже не мог откладывать свое возвращение на континент. Дело было не только в апулийских мятежниках, о более серьезных проблемах его известил Анаклет, который встретился с королем в Салерно, чтобы обсудить планы на будущее. Антипапа все больше беспокоился: его соперник Иннокентий уже явился в северную Италию, готовясь к прибытию императора. Непосредственной опасности пока не было; армия Лотаря, судя по имевшимся сведениям, еще не выступила. Но Рим жил слухами, и эти слухи, распространяемые старыми врагами Анаклета Франджипани, приводили горожан в смятение. Вдобавок

ко всему, луна – по свидетельству хрониста Фалько из Беневенто – внезапно потеряла блеск и окрасилась в цвет крови; никто не мог назвать это добрым знаком. Необходимо, доказывал Анаклет, продемонстрировать силу – напомнить римлянам, что он все еще их господин и что за него стоит король Сицилии. Рожер согласился с его точкой зрения; двое его главных вассалов, князь Роберт Капуанский и его собственный зять Райнульф Алифанский, были немедленно отправлены с двумя сотнями рыцарей в Рим с повелением оставаться там до следующих распоряжений.

Этот поступок, подобно многим поступкам короля, не был столь альтруистичен, как казалось. Робер Капуанский боролся – хотя, разумеется, не очень решительно – вместе с другой знатью за изгнание Рожера из южной Италии несколькими годами ранее. Потом он, как и остальные, капитулировал и в качестве главного вассала возложил корону на голову короля в кафедральном соборе Палермо. Но он так и не примирился полностью с новым правлением, и Рожер был, вероятно, рад, ввиду наступающего кризиса, удалить его на безопасное расстояние. Граф Алифанский отличался еще большим коварством. Он несколько раз предавал своего шурина и, без сомнения, сделал бы это вновь ради собственной выгоды. Более того, его брат Ричард, владевший городом Авеллино, недавно отринул сюзеренитет короля и объявил себя независимым властителем. Когда Рожер призвал его к порядку, он выколол глаза и вырвал ноздри королевскому посланнику. Король сразу же захватил спорную территорию, но тут последовало новое осложнение. Пока Райнульф находился в Риме, его жена, сводная сестра Рожера, Матильда, бежала от него и искала убежища при дворе, объявив, что постоянная жестокость Райнульфа делает невозможным продолжение семейной жизни.

Рожер поддержал ее, и, когда Райнульф – нарушив его приказ – покинул Рим, чтобы требовать восстановления своих территориальных и брачных прав, король ответил, что Матильда, конечно, вольна к нему вернуться, когда ей захочется, но сам Рожер не собирается заставлять ее это сделать против ее желания. Матильда и ее сын вернулись с Рожером на Сицилию, и он со своей стороны обязался потребовать от Райнульфа немедленного возвращения земель, являвшихся ее приданым, – долины Каудине и всех замков, которые там находятся. По поводу Авеллино король был столь же непреклонен: Райнульф и бровью не повел, когда его брат объявил о своей независимости; не защитив права своего законного сюзерена, он лишился всякой возможности претендовать на город. Рожер пошел только на одну уступку: если граф и его сторонники захотят официально изложить ему свои жалобы в Салерно, он выслушает все, что они смогут сказать.

Райнульф Алифанский не намеревался терпеть такое обращение, еще меньше он хотел оказаться пленником в Салерно. Вместо этого он сошелся с Робертом из Капуи – который также самовольно вернулся из Рима, – и они вместе начали строить планы мятежа.

Апулийское восстание было быстро подавлено. После краткой осады в мае 1132 г. жители Бари выдали князя Гримоальда и его семью Рожеру, который доставил их как пленников на Сицилию, а Танкред из Конверсано купил себе свободу обещанием – которое он не сдержал – отбыть в Святую землю. Вся кампания завершилась за месяц; но это выступление являлось симптомом более глубокого и общего недовольства на юге, а главное – оно отвлекло внимание Рожера как раз в тот момент, когда Райнульф и Роберт собирали силы. Если бы Рожер выступил против них сразу после того, как они вернулись из Рима – а их несанкционированное отбытие из города давало для этого хороший повод, – он избежал бы многих неприятностей, которые ожидали его в течение ближайших нескольких лет. Но Рожер упустил возможность. Являясь полновластным господином в делах Сицилии, он еще не вполне понимал своих континентальных вассалов. Не в первый раз он их недооценил. Он уязвил гордость своего зятя, но не отнял у него могущества и власти и добился только того, что возможный противник превратился в реального. Граф Алифанский теперь был обижен и рассержен – и опасен, поскольку

мог рассчитывать на поддержку князя Капуи, все еще мощнейшей военной силы на юге Италии после короля.

Роберт из Капуи никогда в прошлом не отличался мужеством; но идеи мятежа носились в воздухе, а вскоре должны были появиться Лотарь и имперская армия. Кроме всего прочего, разве он не являлся сеньором Райнульфа? Как он мог сохранить статус князя, потеряв доверие вассалов? Со всей энергией, на которую он был способен, Роберт занялся подготовкой нового масштабного восстания. К концу весны 1132 г. он и Райнульф имели в своем распоряжении три тысячи рыцарей и по крайней мере в десять раз более пеших воинов. И большинство южно-итальянских баронов стояло за них.

Король не ожидал столкнуться со столь сильным противодействием. Он только что подавил один бунт и меньше всего хотел оказаться перед лицом другого – на этот раз гораздо большего по масштабам – именно тогда, когда вся его энергия требовалась для борьбы с опасностью с севера. Он никогда не затевал войну, если оставался шанс ее избежать, а в данной ситуации соглашение представлялось возможным. В середине июля он послал гонцов к мятежникам с предложением переговоров. Но это оказалось бесполезно. Оба предводителя стояли на своем. Их обидели, и ни о каких переговорах не может идти речи, пока обида не будет отомщена.

Обе армии теперь стояли у Беневенто, и на это имелись серьезные причины. Беневенто был папской территорией. С тех самых пор, как его горожане прогнали своих правителей и перешли под покровительство папы Льва IX около восьмидесяти лет назад, они оставались верными подданными Святого престола; город представлял собой подлинный бастион папской власти на юге Италии. Именно за стенами Беневенто папа Гонорий утвердил права Рожера на герцогство в 1128 г. Здесь же в городе, в папском дворце Анаклет двумя годами позже даровал ему корону, пообещав также поддержку города во время войны. В данной ситуации это обязательство становилось актуальным, но мог ли Рожер рассчитывать, что оно будет исполнено?

Вначале казалось, что да. Некий кардинал Кресченти, управлявший Беневенто от имени Анаклета, вместе с местным архиепископом и группой самых влиятельных горожан вышел, чтобы заверить короля в своей доброй воле; и, услышав, что он взамен обещает освободить город от некоторых финансовых обязательств, они без колебаний пообещали ему активную военную поддержку. Это была роковая ошибка, и из-за нее они и Рожер потеряли город. В их отсутствие тайные сторонники Роберта развили бурную деятельность; слухи распространялись молниеносно, и, когда Кресченти и его друзья сторговались с королем Сицилии и условия соглашения были объявлены, беневентцы пришли в ужас. Что пользы быть папским городом, если они окажутся сметены междоусобными сворами, как все другие? На собрании всех горожан они объявили следующее:

«Мы не можем таким образом стать союзниками короля, не можем мы также задыхаться, потеть и изнурять себя в длительных переходах вместе с сицилийцами, калабрийцами и апулийцами под палящим солнцем, поскольку наша жизнь протекала в спокойных местах и мы не привыкли к столь губительному образу жизни».

Есть что-то обезоруживающе трогательное в таком протесте, но, возможно, он был не столь наивным, как кажется. Граждане Беневенто должны были, конечно, знать, что взоры папы Иннокентия и короля Лотаря устремлены на них. В преддверии крупного столкновения между папой и антипапой они более, чем кто-либо другой на юге, стремились оказаться на стороне победителя. Эти якобы мягкие и миролюбивые люди так приняли Кресченти, что тот, чудом уцелев, бежал обратно к Рожеру, а несчастный архиепископ в ужасе заперся в соборе.

Мятежники торжествовали. Князь Роберт теперь без труда добился от горожан обещания дружеского нейтралитета с правом свободного прохода своих войск через территорию Беневенто; покинул, дрожа, свое убежище, чтобы засвидетельствовать новый официальный договор между Капуей и Беневенто, при том что город, как архиепископ особо подчеркнул, хранил

верность по отношению к папе. Какого именно папу он имел в виду, он не пояснил; а паства сочла за лучшее его не спрашивать.

Для Рожера измена Беневенто стала крупной неприятностью. Насколько серьезные последствия она будет иметь, он пока не понял, но в данный момент его войска оказались в очень невыгодной позиции. Беневентцы доставляли им еду и другие необходимые вещи; а теперь благожелательность, на которую они надеялись, сменилась открытой враждебностью. Более того, князь Капуанский, уверенный в поддержке, мог в любой момент решиться на атаку. Рожер по своему обыкновению не стал вступать в открытое противоборство. Вместо этого он приказал всем подразделениям своей армии внимательно следить за его знаменем и быть наготове, чтобы последовать за ним в направлении, куда оно двинется.

С наступлением ночи сигнал был дан, и под покровом темноты сицилийская армия отступила через горы на юг. Хотя формально маневр мог быть описан как стратегическое передвижение, его обстоятельства и скорость явно предполагали бегство – поскольку заря застала королевские силы у подножия горы Атрипальда за Авеллино. Переход в двадцать миль за ночь по горным тропам – немалое достижение для армии, но марш еще не закончился; король, как рассказывает нам Фалько, по дороге обдумывал месть и собирался перехватить инициативу. Поэтому вместо того, чтобы отправиться в свою континентальную столицу Салерно, он двинулся к Ночере – главной крепости Роберта после Капуи. Город явно не ожидал нападения; и с большой вероятностью потребуется несколько дней на то, чтобы бунтовщики, уверенные, что Рожер вернулся в Салерно, обнаружили, куда он в действительности направляется. После этого они наверняка поспешат на помощь Ночере, избрав скорейший, хотя и не самый прямой, путь через прибрежные равнины и долину, пролегающую между Везуviем и Апеннинским массивом; но тогда им потребуется пересечь реку Сарно в ее низовьях, а там через эту широкую реку имеется только одна переправа – старый деревянный мост у Скафати, в миле или двух к западу от дороги на Помпеи. Если разрушить этот мост, можно выиграть по крайней мере еще несколько дней. Рожер отправил отряд к мосту, а когда его люди, проделав все необходимое, вернулись, осада Ночеры шла полным ходом.

Это был смелый и хитрый план, достойный Рожера I или Роберта Гвискара. Он мог сработать и почти сработал. Но войска мятежников продвигались быстрее, чем ожидалось. Всего через пять дней после начала осады они, наскоро возведя новый мост, переправились через реку и стали лагерем напротив армии короля на широкой равнине на север от города – Роберт Капуанский с тысячей рыцарей слева, Райнульф – справа с другими пятнадцатью сотнями, разбитыми на три подразделения. Из них двести пятьдесят воинов были отправлены к стенам, чтобы отвлечь на себя часть сил осаждавших войск, остальные готовились к битве.

Она произошла в воскресенье 24 июля. Рожер больше не колебался. Он снял осаду Ночеры сразу же, как только услышал о том, что враги переправились через Сарно, и сделал собственные распоряжения. Первая линия была готова к бою; по команде короля они опустили копья, тронули лошадей в галоп и начали атаку. Войска князя Роберта дрогнули под их натиском; капуанская пехота в тылу, видя надвигающихся всадников, запаниковала и побежала к реке. Мост, столь недавно и поспешно возведенный, не выдержал; сотни упали в воду и утонули.

Вторая атака королевских войск началась столь же успешно; но в это время граф Алифанский с пятью сотнями собственных рыцарей обрушился на нападавших с фланга. На мгновение они растерялись; и прежде, чем они успели перестроиться, правое и левое крыло армии Райнульфа подошли вслед за центром и обрушились на врага, как пишет Фалько, подобно льву, голодавшему три дня.

Это решило исход битвы. Сам Рожер, оказавшийся теперь в гуще сражения, схватил копье и скакал взад-вперед сквозь смешавшиеся ряды своей армии, призывая воинов сплю-

титься вокруг короля. Но было поздно. Его армия отступала, и ему оставалось только следовать за ней. Тем же вечером Рожер отправился в Салерно, окровавленный и уставший, в сопровождении всего только четырех рыцарей. Из остальных около семисот воинов, в том числе двадцать верных ему баронов, оказались в плену. Другие пали на поле боя или, как большая часть пехоты, были перебиты во время бегства. Победители захватили огромную добычу. Фалько заявляет, что не в силах описать, сколько золота и серебра, богатых золотых сосудов, роскошных одежд, конской упряжи, кирас и другого воинского снаряжения было захвачено. Генрих, епископ из монастыря Святой Агаты, который, будучи горячим сторонником папы Иннокентия, последовал за Робертом в Ночеру, утверждает, что среди захваченных королевских документов оказалась та самая булла, которой Анаклет даровал Рожеру королевство.

Это была первая большая битва Рожера, и он ее проиграл. Его армия понесла огромные потери, и его авторитет в Италии опасно пошатнулся. Вести о случившемся распространились по полуострову, и пламя мятежа распространялось вместе с ними; все больше городов становились под капуанские знамена. В Беневенто благодарственная процессия с факелами обошла все важнейшие храмы города и были сделаны определенные шаги к тому, чтобы вместо несчастного Кресченци принять в качестве правителя представителя папы Иннокентия. Горожане Бари снова восстали и убили нескольких воинов из сарацинского гарнизона, оставленного Рожером; в Монтепелозо Танкред из Конверсано немедленно отложил свои приготовления к Крестовому походу и присоединился к бунту. Тем временем в Италию просочились слухи из Германии, что король Лотарь наконец собрал свою армию и уже идет на юг через Альпы.

И все же, когда король Сицилии начал собирать в Салерно новую армию и укреплять флот, готовясь к предстоящим битвам – а господство на море стало для него теперь насущнейшей необходимостью, – он, по свидетельству очевидцев, излучал жизнерадостность и уверенность. В какой-то степени это могло быть притворством, но, вероятно, не полностью. До сих пор он всегда избегал открытых битв. Дипломатия, подкуп, лавирование, изматывание противника, осада – в различные моменты своей жизни он применял средства из этого арсенала охотнее, чем встречался с врагом на поле сражения. Уход из Беневенто явился воплощением его тактики; многие из людей Рожера, без сомнения, предпочли бы бой постыдному отступлению под покровом темноты, столь же деморализующему, сколь и недостойному, но долгое путешествие через горы дало королю достаточно времени, чтобы набраться мужества. Чтобы успокоить ропот своей армии и, быть может, собственную совесть, он должен был доказать, что достоин своего народа и своего рода. И он, по крайней мере, сделал шаг. Как командующий он допустил ошибку и потерпел поражение; но он, наконец, обнаружил в тридцать шесть лет, что, когда вызов брошен, ему не хватает смелости его принять.

Слухи с севера соответствовали действительности. Прошло около полутора лет с тех пор, как Лотарь пообещал сопровождать папу Иннокентия в Рим. Беспорядки в Германии задержали его и помешали ему собрать такую армию, как он надеялся. В результате он рассудил, что путь к решению внутренних проблем лежит в скорейшем получении имперской короны и авторитета, который она дает; соответственно в августе 1132 г. с королевой Риченцей Нордхаймской и войском, по численности едва превосходившим вооруженный эскорт, Лотарь отправился через горы в Ломбардию.

Путешествие оказалось не слишком приятным. По мере того как ломбардские города становились с каждым годом сильнее, богаче и самостоятельнее, они все менее были склонны принимать притязания империи. Соответственно, они встречали очередного носителя этих притязаний холодно, а порой с откровенной враждебностью, к которой прибавлялась, когда они видели размеры его войска, нескрываемая насмешка. Лотарю приходилось двигаться с осторожностью, проходя только через те города, где его непопулярность не была столь очевидна, и надеяться на то, что Иннокентий, который уже несколько месяцев находился в Италии, сумел

собрать достаточно сил, чтобы император мог хотя бы войти в Рим с подобающей помпезностью.

Папа ожидал его около Пьяченцы. Призывы Иннокентия не остались без ответа; имперская армия на последней стадии путешествия составляла около двух тысяч. Это была весьма скромная армия, но уже не смешная. Более всего императору не хватало поддержки с моря. Пиза и Генуя, две великие морские республики Северо-Западной Италии, на чью помощь папа полагался, в тот момент занимались исключительно ссорами по поводу Корсики и Сардинии, а без их подмоги у имперских сил оказывалось мало шансов пред объединенной атакой с суши и моря. Но начались осенние дожди, дороги развезло, и Лотарь решил отложить коронацию до следующей весны. Тем временем, быть может, удастся убедить воюющие города оставить свою рознь ради общего блага.

В том, что это действительно удалось, большая заслуга принадлежит аббату из Клерво. Он появился в Италии вскоре после Рождества; к марту они с Иннокентием, чередуя угрозы и посулы, склонили пизанцев и генуэзцев заключить перемирие и в следующем месяце вновь появились в лагере Лотаря, готовые к походу на Рим. Собравшаяся армия по-прежнему не могла произвести особого впечатления своими размерами и мощью; но имперские осведомители доносили, что Рожер все еще занят собственными проблемами и, соответственно, нет оснований опасаться серьезного противодействия по дороге в Святой город.

Церковь Святой Агнессы за Стеной сохранилась до наших дней и выглядит примерно так же, как в VII столетии, когда ее построили. Перед ней 30 апреля 1133 г. будущий император собрал свою армию для последнего броска. Уже несколько дней Рим был в тревоге. Пизанские и генуэзские корабли поднялись по Тибру и теперь угрожающе расположились под стенами; их присутствие, вместе с преувеличенными слухами о размерах германского войска, заставили многих римлян, включая самого префекта, изменить своим прежним клятвам. Большая часть города теперь была открыта для Лотаря и Иннокентия. Их встретили у ворот Франджипани и Корси со своими приспешниками, которые с самого начала противостояли Анаклету; они затем препроводили прибывших в соответствующие их достоинству дворцы: короля и королеву в старую имперскую резиденцию Оттона III на Авентине, а папу в Латеранский дворец.

Но правый берег Тибра с замком Сан-Анджело и собором Святого Петра, где по традиции проходила имперская коронация, все еще оставались в руках Анаклета, а Анаклет не собирался сдаваться. Лотарь, зная о собственной слабости, предложил переговоры, но антипапа дал тот же ответ, который давался всегда: представить вопрос о выборах на рассмотрение международного церковного трибунала. Если такой трибунал, специально созданный, выскажется против него, он подчинится его решению. А до этого он останется в Риме, который ему принадлежит. Будь Лотарь один, он, вероятно, принял бы это предложение. С его точки зрения, любой вариант был лучше, чем продолжающийся раскол в папстве: соперничающие папы могли породить соперничающих императоров, а в таком случае его собственное положение оказывалось под угрозой. Но теперь в Риме к нему присоединился Бернар; а при Бернаре в качестве сторонника не могло быть речи ни о каком компромиссе. Если Анаклета не удалось поставить на колени, его следовало игнорировать. Иннокентий был утвержден папой не в соборе Святого Петра, а в Латеране, и там же 4 июня с соблюдением всех церемоний, возможных в данных обстоятельствах, он короновал Лотаря императором Запада, а Риченцу – его императрицей.

Второй раз за полвека один папа осуществлял имперскую коронацию, в то время как другой находился в паре миль от него, бессильный и кипящий гневом. В предыдущем случае Григория VII спасло только прибытие, не слишком быстрое, Роберта Гвискара во главе тридцатитысячного войска. Анаклет не мог рассчитывать на что-то подобное; король Сицилии, хотя хранил ему верность, был занят другим. К счастью, немедленное спасение не требовалось. Антипапе, хотя и беспомощному, ничто не грозило. Никакая атака на правый берег не была возможна без контроля за двумя мостами, перекрывавшими реку у Тибрского острова,

а все подходы к ним прикрывал древний театр Марцела, ныне превращенный в главную крепость Пьерлеони. В таких обстоятельствах у императора не было ни сил, ни желания предпринять нападение. Теперь, когда его непосредственная цель была достигнута, он думал только о возвращении в Германию. Через несколько дней после коронации он и его армия удалились; а пизанские и генуэзские корабли уплыли по реке в открытое море.

Для папы Иннокентия отбытие Лотаря стало большой неприятностью. Его сторонники в городе сразу же от него отвернулись. Только Франджипани хранили верность, но они не могли удержать Рим без посторонней помощи. К июлю сторонники Анаклета возобновили свою деятельность, и золото потекло вновь из неистощимых сундуков Пьерлеони. В августе бедному Иннокентию вновь пришлось отправиться в изгнание. Он скромно выскользнул из своей резиденции – точно как три года назад – и в поисках безопасного убежища медленно направился в Пизу.

Не только Иннокентий чувствовал себя преданным. Для мятежников в южной Италии весть о том, что император, которого они так долго ждали, пришел и ушел, не пошевелив пальцем, чтобы им помочь, означала крушение их слабой надежды на победу. Последние несколько месяцев они терпели бедствие. 1133 г. начался достаточно хорошо: мятеж под руководством Танкреда из Конверсано захватил всю Апулию. Даже Мельфи, первая столица Отвилей, даже Веноза, где четверо величайших представителей этого рода, включая самого Роберта Гвискара, были погребены, выступили против короля. Но вместе с другими городами, которые последовали их примеру, они вскоре пожалели о своей неверности. В самом начале весны Рожер прибыл с Сицилии с новой армией – и совсем другой. В прошлом, когда он стремился завоевать расположение южноитальянских вассалов, он находил, что использование войска, полностью или по преимуществу состоящего из мусульман, скорее повредит, нежели пойдет на пользу его репутации; потому он привлекал сарацин только в качестве подкрепления для основного войска. Теперь он отбросил всякую щепетильность. Его положение было отчаянным, а сарацины проявили себя вернейшими из его подданных, на которых не оказывали действия ни посулы нормандских баронов, ни папское отлучение. Армия, которая теперь высадилась на итальянскую землю, состояла в основном из мусульман; и Рожер прибегнул к этому единственному оставшемуся средству, чтобы подчинить себе своих христианских вассалов.

Изменившийся состав войска, похоже, отражал сходное изменение в характере самого Рожера. В обеих хрониках, описывающих последующую военную кампанию, – является ли автором Фалько, нотариус из Беневенто, ненавидевший Рожера, или льстивый Александр из Телезе – мы видим человека беспощадного и мстительного. Он всегда был мастером дипломатии и государственной деятельности и остался таковым до конца жизни; но события последних двух лет научили его, что есть ситуации, когда подобные методы уже бесполезны; и битва при Ночере, хотя и оказалась несчастной со всех других точек зрения, убедила его в его способности действовать в таких обстоятельствах. Более никогда, если ситуация того требовала, он не стремился избежать кровопролития.

Итак, весной и летом 1133 г. сицилийские сарацины обрушились на мятежную Апулию. Начав с Венозы – поскольку, утвердившись в горных городах центральных областей, он рассчитывал отрезать Танкреда и его мятежников от их капуанских союзников на западе, – король двигался на восток и на юг к морю, оставляя за собой пустыню. Никто из сопротивлявшихся не дождался пощады; многие были сожжены заживо – так, по крайней мере, утверждает Фалько, который призывает Бога в свидетели, что «такой жестокости христиане никогда прежде не знали». Корато, Барлетта, Минервино, Матера и другие мятежные крепости пали одна за другой, пока наконец Рожер не привел своих сарацин к Монтеполозо, где обосновался Танкред в ожидании неизбежной осады. С ним, пишет аббат из Телезе, было сорок рыцарей, прислан-

ных Райнульфом Алифанским, под командованием некоего Рожера из Пленко – «храбрейшего воина, но крайне враждебного королю»⁶.

Стены Монтепелозо не устояли против сицилийских осадных машин; и спустя примерно две недели «под звуки труб и громовые крики, вздымающиеся к небесам», сарацины ворвались в город. Некоторые из защитников, переодевшись в отрепье, дабы в них не узнали рыцарей, сумели спастись, но их предводители не были столь удачливы. Кажется, перо дрожит в руке Фалько, когда он пишет:

«Тогда Танкред и несчастный Рожер (из Пленко) сбросили доспехи и попытались спастись в самых темных и мрачных проулках города; но их искали, обнаружили и привели к королю Рожеру. О, печаль, ужас, рыдания! О читатель, как велико было бы страдание вашего собственного сердца, если бы вы присутствовали при этом!! Ибо король объявил, что Рожер должен быть повешен и что Танкред сам, собственной рукой, затянет веревку. О, какое неслыханное преступление! Танкред, как ни горько ему было, не мог не подчиниться королю. Всех воинов охватил ужас, и они призывали Бога на небесах отмстить столь могущественному тирану и жестокому человеку. Затем король приказал, чтобы доблестного Танкреда посадили под стражу. Мы слышали, что позже как пленник был отправлен на Сицилию. А затем без отлагательств весь город Монтепелозо, его монастыри и все горожане, мужчины, женщины и дети, были преданы огню и мечу».

После падения Монтепелозо сопротивление апулийцев было сломлено, но гнев Рожера не утих. Раз уж он решил преподать урок своим подданным, все они должны изведать тяжесть королевской руки. Отныне всякий будет знать цену бунта. От Трани остались обгорелые руины; в Трое, где делегация горожан в ужасе вышла его приветствовать, он казнил на месте пятерых главных членов городского совета, а затем сровнял город с землей; выжившие разбежались по окрестным деревням. Мельфи постигла схожая судьба; Асколи пришлось не лучше. Наконец 16 октября, уничтожив все крупные города Апулии, король и его сарацины вернулись в Салерно; 19-го они отплыли на Сицилию.

Рожер мог более не опасаться Апулии, но имелось еще два вассала, которых следовало призвать к повиновению. Роберт из Капуи и Райнульф Алифанский поспешили в Рим при первых вестях о прибытии Лотаря и послушно присутствовали на коронации, несомненно ожидая, что, когда положенные формальности будут совершены, император и его армия – какая бы она ни была – отправятся с ними на юг, чтобы выступить против короля Сицилии. Они, по-видимому, еще находились в Риме, когда Рожер появился в Апулии, быстрый и неожиданный контрудар застал их неподготовленными, вдали от своих последователей, которые именно теперь особенно в них нуждались. Райнульф вернулся со всей возможной поспешностью, но он, похоже, не предпринял ни одной серьезной попытки – если не считать сорока рыцарей под командованием несчастного Рожера из Пленко, посланных в Монтепелозо, – остановить продвижение короля. Князь Роберт был более осторожен и благоразумен. События минувшего лета научили его, что при имеющихся в распоряжении силах даже такая ошеломляющая победа, как была ими одержана при Ночере, не может иметь решающих и долгосрочных последствий. Рожера никогда не удастся сокрушить без помощи извне, и, если нельзя рассчитывать на поддержку императора, ее следует искать где-то еще. Соответственно, в последнюю неделю июня Роберт отправился из Рима в Пизу; и здесь, после долгих переговоров, сумел заключить соглашение, по которому в обмен на три тысячи фунтов серебра сто пизанских и генуэзских кораблей будут предоставлены в его распоряжение в марте следующего года.

Имея в качестве противника флот такой величины, Рожер рисковал потерять господство на море. Его враги могли отважиться на развернутую атаку против Мессины, чтобы блокировать проливы, или даже напасть на Палермо. Но он не выказывал особенной озабоченности

---

⁶ Фалько называет его Рожером де Плеуто.

по этому поводу. В начале весны 1134 г. он вновь отправился на материк, вознамерившись навести порядок в Италии раз и навсегда. Продвигаясь через мятежные территории, он не встречал никакого сопротивления. Вести о его расправе с апулийскими городами в прошлом году достигли самых отдаленных мест в Кампании, где местное население восприняло предназначенный ему урок. Армия Рожера не встречала никакого противодействия; тем временем властители Капуи и Алифе с тысячей пизанских воинов все еще ожидали основную часть обещанных подкреплений. Теперь пришел их черед избегать открытых сражений. Один за другим их замки пали. Даже Ночера, где Рожер всего два года назад пережил жестокое унижение, сдавалась, как только стало ясно, что попытки Райнульфа выручить ее не удались. Король, столь же милосердный в этом году, сколь он был неумолим в 1133 г., не стал никого карать: воины гарнизона, как только они принесли ему присягу на верность, были отпущены по домам.

Весна сменилась летом, а пизанские и генуэзские корабли не появились. Их присутствие было теперь жизненно необходимо не столько из стратегических соображений, сколько потому, что ничто более не могло возродить боевой дух восставших. Наконец отчаявшийся князь Роберт отправился на корабле в Пизу, якобы чтобы обратиться с последним призывом о помощи, но также, как можно подозревать, спасая свою шкуру; Райнульф остался один перед наступающей армией. Графа Алифанского при всех его недостатках нельзя упрекнуть в трусости. Видя, что столкновения с шурином не избежать, он стал собирать всех своих людей для последнего решительного сражения. Но было поздно. Приспешники Рожера, трудившиеся в округе, были щедры и настойчивы; местные рыцари и бароны, которые оставались на стороне Райнульфа, внезапно его покинули. Райнульф понял, что проиграл. Он отправил послов к Рожеру, объявив, что он подчиняется без всяких условий и отдает себя на милость короля.

В конце июня Рожер и Райнульф встретились в деревне Лауро около Авеллино. Если верить аббату из Телезе, это была впечатляющая сцена:

«Упав на колени перед королем, он (Райнульф) сперва пытался поцеловать его ноги, но король собственноручно поднял его и сам хотел его поцеловать. Граф его остановил, умоляя сперва прекратить гневаться на него. И король ответил от всего сердца, что он не гневается. «Далее, – сказал граф, – я прошу, чтобы ты с этих пор считал меня своим рабом». И король ответил: «Так я и буду считать». Тогда граф произнес: «Пусть сам Бог будет свидетелем сказанного между тобой и мной». – «Аминь», – проговорил король. И тотчас же король поцеловал его, и они долго стояли в обнимку, некоторые из присутствующих тайком утирали слезы радости».

Рожер явно был совсем в другом настроении, нежели то, в котором он разбирался с Танкредом из Конверсано и апулийскими мятежниками год назад. В знак примирения он вернул Райнульфу жену и сына, послуживших, хотели они того или нет, причиной стольких бед. Похоже, они были рады вернуться домой – факт, свидетельствующий, что графиня Матильда в своем давешнем нежелании возвращаться к мужу была не столь искренна, как казалось. Однако королевское великодушие имело свои пределы. Земли, которые изначально являлись частью приданого Матильды, Райнульфу не вернули, а кроме того, от него потребовали отдать все территории, которые он завоевал с начала вражды.

Теперь у Рожера остался только один враг – Роберт Капуанский. Он, по слухам, все еще порицал пизанцев за то, что те его бросили; и именно в Пизу поспешил королевский посланник с условиями Рожера: если князь вернется в Капую до середины августа и выразит свою покорность королю, он будет утвержден в правах на все свои владения, исключая те, которые король отвоевал во время последней войны. В противном случае, если он предпочтет не возвращаться в Капую, его сын будет возведен на капуанский трон, при том что сам Рожер будет выступать в качестве регента, пока мальчик не достигнет подходящего для правителя возраста. Если, однако, Роберт собирается продолжать бунт, его земли будут отобраны; его княжество прекратит свое существование как отдельная территориальная общность, и все входящие в

него области перейдут под прямой контроль сицилийской короны. Он вправе выбирать. Не получив никакого ответа, король вступил в Капуя.

Это был, рассказывает аббат из Телезе, большой и процветающий город, защищенный не только стенами и башнями, но также широкой рекой Волтурно, омывающей их основания; пара десятков плавучих водяных мельниц были причалены по ее берегам. Теперь, однако, Капуя не оказала сопротивления. Короля приветствовали в кафедральном соборе с почетом и – если верить аббату из Телезе – с радостью. После этого Рожер принял герцога Сергия Неаполитанского, занимавшего довольно двусмысленную позицию во всей истории. Он не признавал притязаний Рожера в южной Италии и не делал секрета из своих симпатий к восставшим, но каким-то образом добился того, что сам он и его город стояли в стороне от реальной борьбы. Когда Капуя оказалась в руках короля, Сергей понял, что у него более нет иного выбора, кроме как прийти к соглашению. Он преклонил колени перед королем и поклялся ему в верности и покорности.

Мятеж был полностью подавлен. Неделей ранее горожане Беневенто, в очередной раз сменив ориентиры, изгнали представителей папы Иннокентия и вновь встали на сторону Анаклета и короля; наконец, впервые за три года, по всей южной Италии воцарился мир. В предыдущие годы Рожер лишь с наступлением осени возвращался домой к своей семье в Палермо; в 1134 г. он был свободен к концу июля.

Но если Рожер, судя по всему, разрешил свои проблемы, для историка одна проблема остается. Что случилось с подкреплениями, обещанными мятежникам великими морскими городами-республиками северной Италии? Переговоры завершились, цена была согласована, дата установлена. Окончательное соглашение было подписано в Пизе в присутствии лично папы Иннокентия в феврале и ратифицировано мятежными баронами неделю или две спустя. Сотня кораблей, полностью укомплектованных людьми, должна была прибыть в марте. Если бы это произошло, события лета 1134 г. приняли бы совсем другой оборот. Но суда не появились. Что им помешало?

Два письма святого Бернара, адресованные соответственно пизанцам и генуэзцам, похоже, дают нам важный ключ к разрешению этой загадки. К пизанцам⁷, характерным для него образом используя самого Всевышнего в качестве своего рупора, Бернар писал:

«Он сказал Иннокентию, своему помазаннику: «Здесь моя обитель, и я благословляю ее... С моей поддержкой пизанцы должны устоять перед атаками сицилийского тирана, не дрогнув перед угрозами, не соблазнившись подкупами и не обманувшись хитростями».

С генуэзцами Бернар говорит еще откровеннее:

«Я слышал, что вы приняли посланцев от графа (!) Рожера Сицилийского, но я не знаю, что они принесли и с чем вернулись. По правде, говоря словами поэта, «бойтесь данайцев, и дары приносящих». Если вы обнаружите среди своих соотечественников кого-то, кто настолько развращен, что держал в руках презренный металл, произведите немедленное расследование этого дела и судите его как врага вашего доброго имени и предателя»⁸.

Не подкупил ли король Сицилии ранней весной 1131 г. пизанцев и генуэзцев, а может быть, еще и венецианцев – заставив их нарушить взятые обязательства и сознательно медлить с отправкой флота, который они обещали в помощь Роберту Капуанскому? Мы никогда не узнаем этого с точностью. Нам известно, однако, что Сицилия при своем неимоверно выгодном для торговли географическом положении и финансовой активности была богата – богаче, чем любое другое государство ее размеров на Средиземном море, за исключением, возможно, Венеции; мы знаем также, что Рожер был блестящий, хотя и бесчестный дипломат, который всегда предпочитал покупать своих врагов, а не бороться с ними и имел большой опыт в кор-

---

⁷ Письмо 130.

⁸ Письмо 129.

рупции. Подозрения святого Бернара на его счет, возможно, излишне суровы, но сомнительно, чтобы они были полностью ошибочны.

Глава 3

ИМПЕРСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

*Так они пустились в путь
В апулийскую землю.
Такова была воля государя.
Имя государя было Рожер,
Король Лотарь его преследовал
До Сицилии.*

Хроника правления Аотаря II

Король, возвращаясь в Палермо в разгар лета 1134 г., наверное, чувствовал себя счастливым. Мир и порядок были восстановлены в южной Италии и царили теперь во всем королевстве. Хотя он пока не сумел показать себя как военачальник, достойный своих предков – Отвилей, его мужество на поле битвы больше не подвергалось сомнению. Его уважали в Италии друзья и противники. Германский император вместо того, чтобы идти на него войной, вернулся за Альпы; папа, которого он, единственный из всех государей Европы, поддержал, прочно утвердился в Риме. Он хорошо выполнил свою работу.

Но беды Рожера еще не закончились. Вскоре после возвращения на Сицилию он серьезно заболел. Сам Рожер поправился, но его жену поразил, вероятно, тот же недуг. Греческие и арабские доктора в Палермо считались одними из лучших в мире, а в Салерно к услугам короля была самая передовая медицинская школа Европы; но все усилия оказались напрасны. В первую неделю февраля 1135 г. королева Эльвира умерла. Для нас она остается туманной фигурой, эта испанская принцесса, которая вышла замуж за Рожера при неизвестных нам обстоятельствах, когда ему было двадцать два года, и делила с ним жизнь в течение следующих восемнадцати лет. В отличие от его матери Аделаиды она, по-видимому, никогда не участвовала в государственных делах и определенно никогда не сопровождала мужа в походах, подобно его тетушке, грозной и незабываемой Сисельгаите из Салерно. Александр из Телезе отмечает, что она отличалась набожностью и прославилась делами милосердия, но у нас нет сведений о каких-то монастырях или церквях, основанных ею; слова аббата, вероятно, следует воспринимать как формальную дань вежливости со стороны дружественного хрониста по отношению к умершей королеве. Самым поразительным свидетельством является реакция Рожера на ее кончину. Его сердце было разбито. Он ушел в свое горе, не принимал никого, кроме нескольких придворных членов курии, так что, как утверждает Александр, не только его подданные в далеких землях, но и люди из его ближайшего окружения поверили, что он последует за женой в могилу.

Известия о его недавней болезни придавали дополнительный вес этой уверенности, и слухи о смерти Рожера вскоре распространились по континенту. В этот момент они несли с собой серьезную опасность. Старшему сыну короля едва исполнилось семнадцать, он был неопытен в войне и государственных делах. В сердцах Райнульфа Алифанского и других недавних мятежников вновь вспыхнула надежда; они решили ударить без промедления. Пизанцы, после месяцев запугивания со стороны Иннокентия, Бернара и Роберта Капуанского, более не уклонялись от исполнения своих обязательств и 24 апреля – через тринадцать месяцев после условленного срока – обещанный ими флот, взяв на борт восемь тысяч воинов, под предводительством Роберта стал на якорь в гавани Неаполя. Герцог Сергей без особых уговоров оказал Роберту теплый прием. Весть о прибытии флота стала аргументом колеблющихся. За несколько дней Кампания вернулась к прежнему хаосу.

История Италии в Средние века – и в другие эпохи – изобилует нескончаемыми беспощадными войнами, битвы затихали и вновь разгорались, города осаждались и брались, освождались и возвращались, и всей этой тоскливой сваре, казалось, не будет конца. Для историка изучение всех перипетий долгой и безуспешной борьбы достаточно утомительно; для других это просто невыносимо. Поэтому я избавляю читателей книги от необходимости вникать во все детали военных кампаний, с помощью которых Рожер опять восстановил свою власть⁹. Достаточно сказать, что у восставших вскоре появились все основания сожалеть о своей поспешности. В первые шесть недель, воодушевленные распространявшимися повсюду слухами о смерти короля и отсутствием каких-либо опровержений из Палермо, они добились кое-каких успехов; но наместники Рожера на материке и военные гарнизоны под их командой прочно держали страну в своих руках и мешали дальнейшему продвижению. Затем, 5 июня, сицилийский флот появился в Салерно.

Отнюдь не угроза спокойствию континентальных владений вывела Рожера из апатии, в которую его ввергла смерть жены; причиной стал, скорее, гнев. Он не был вспыльчив и даже теперь, похоже, не ощущал особого раздражения по отношению к князю Капуи. Хотя, проигнорировав требование сдаться в прошлом году, Роберт оставался откровенным мятежником, хотя он, как вассал короля, нарушил клятву верности, он, по крайней мере, не запятнал свою честь принесением новой присяги всего за несколько месяцев до бунта. Другое дело – граф Алифанский и герцог Неаполитанский. В прошлом году они оба становились на колени перед Рожером, вкладывали свои руки в его и обещали ему свою преданность. Райнульф пошел даже дальше и, играя на родственных чувствах, проявлял такую приторную сентиментальность, что одно воспоминание о ней, должно быть, вызывало у Рожера тошноту. Такую черную и бесстыдную измену нельзя было простить.

Следует вспомнить в оправдание графа Алифанского, что он, возможно, искренне поверил слухам о смерти короля. Но, свойственник или нет, он не мог более рассчитывать на милосердие. Оставалось только тянуть время. Папа Иннокентий из своего пизанского убежища оказывал давление на североитальянские морские республики – особенно на Геную, чьи люди и суда, обещанные еще в 1134 г., до сих пор не появились, в то время как за Альпами настоятель Клерво метал со всех кафедр громы и молнии в адрес раскольнического папы в Риме и созданного им кукольного короля, обещая, что не успокоится, пока не организует новый крестовый поход против них. Даже теперь, если бы мятежники продержались достаточно долго, они бы могли спастись. С четырьмя сотнями своих последователей Райнульф поспешил в Неаполь. Роберт Капуанский, не откликнувшись на предложения короля о сепаратном мире, сопровождал его; а герцог Сергей, напуганный больше, чем они, охотно их принял и начал готовить свой город к осаде.

Обычному наблюдателю, знакомому с южноитальянской действительностью, возможно даже самому королю Рожеру, события лета 1135 г. могли показаться просто продолжением борьбы за власть, которая не прекращалась последние восемь лет. На деле с момента, когда три главных противника короля забаррикадировались в Неаполе, содержание борьбы изменилось. До сих пор это были внутренние дела, соперничество между королем и его вассалами. Тот факт, что король был в значительной степени ответственным за существование антипапы в Риме, а значит, за раскол, который пошатнул все основы европейской религиозной и политической стабильности, оставался за скобками. Ни одно иностранное государство реально не поднимало оружие против Рожера – не считая корпуса непунктуальных и чрезвычайно неэффективных пизанских наемников, – а когда сам Лотарь совершил свой долго ожидавшийся поход в Италию, он заботился только о собственной коронации.

---

⁹ Любопытно, кто желает подробностей, найдет их во всей немилосердной полноте, вплоть до последней осажденной цитадели, в сочинении Шаландона.

Отступление в Неаполь ознаменовало тот момент, с которого главенство противодействий Рожеру перешло из рук его вассалов в сферу международных интересов. Папа Иннокентий и Бернар Клервоский давно осознали, что им не удастся изгнать Анаклета из Рима, пока король Сицилии в состоянии его защитить. Ясно, что Рожера следовало уничтожить; и столь же ясно, что император являлся тем человеком, который мог выполнить данную задачу. Святой Бернар поставил Лотаря в известность об этом. В конце 1135 г. он пишет императору:

«Мне не подобает призывать людей к битве; и все же я говорю вам со всей ответственностью, что долг поборника церкви – защитить ее от безумия схизматиков. Цезарь должен отстоять свою по праву принадлежащую ему корону от козней сицилийского тирана. Ибо как является оскорблением для Христа, что отпрыск евреев занимает престол святого Петра, так и любой человек, называющий себя королем Сицилии, оскорбляет императора».

Одновременно похожий призыв, хотя с совершенно другими мотивами, был направлен Лотарю с очень неожиданной стороны. В Константинополе император Иоанн II Комнин с беспокойством наблюдал за развитием событий в южной Италии. Апулийские порты, которые менее столетия назад входили в состав византийских Фем Лангобардских и на которые Восточная империя никогда не переставала претендовать, находились всего в шестидесяти – семидесяти милях от имперской территории через Адриатику; и богатые города Далмации представляли собой настолько заманчивую жертву для небольшого благородного пиратства, что в последние годы сицилийские капитаны не всегда могли устоять перед искушением. Другие рейды, на североафриканских побережьях, показывали, что король Сицилии недолго будет довольствоваться существованием в имеющихся у него владениях и, если его не остановить, может скоро подчинить себе все центральное Средиземноморье. Имелась также некая неясность, связанная с княжеством Антиохийским, основанным кузеном Рожера Боэмундом во время Первого крестового похода. Сын Боэмунда Боэмунд II погиб в бою в начале 1130 г., не оставив наследника, и король Сицилии выдвинул официальные притязания на наследство. Его обязанности в южной Италии до сих пор мешали ему заняться этим вопросом, но можно было предположить, что он вернется к нему, как только выдастся случай, а последнее, чего хотел бы император, – обнаружить сицилийскую армию, обосновавшуюся у его южной границы. Короче говоря, Рожер грозил вскоре оказаться занозой в теле Византии, не хуже чем Роберт Гвискар за полвека до того, и Иоанн решил это пресечь. В 1135 г. он отправил гонцов к Лотарю с обещанием щедрой финансовой поддержки для военной экспедиции, целью которой будет сокрушить короля Сицилии раз и навсегда.

По дороге в Германию византийское посольство остановилось в Венеции, чтобы заручиться поддержкой республики. Венецианские купцы также страдали от сицилийских каперов; они уже исчисляли свои потери в сорок тысяч талантов. Дожд потому с радостью согласился помочь и пообещал предоставить для похода на Сицилию венецианский флот, когда будет необходимо. Пока венецианские посланники присоединились к византийским, чтобы придать дополнительную убедительность греческим призывам.

Они обнаружили, что Лотарь не нуждается в уговорах. Ситуация в Германии за прошедшие два года улучшилась – в значительной степени благодаря авторитету императорской короны, – и враги Лотаря Гогенштауфены были вынуждены покориться. На этот раз у него не возникло трудностей в том, чтобы собрать внушительную армию. С нею император мог бы восстановить свою власть в Ломбардии, а потом, впервые войдя в свои южноитальянские владения, наказать выскочку Отвиля так, как он того заслуживал. После этого Анаклета можно не опасаться. Последний северный оплот антипапы, Милан, перешел к Иннокентию в июне, и раскол теперь сосредоточился в Сицилийском королевстве и в самом Риме. Если убрать с дороги Рожера, Анаклет останется вовсе без союзников и будет вынужден сдаться. Этот поход прекрасно годился для того, чтобы увенчать царствование Лотаря. Император отправил епископа Гавельбергского в Константинополь с изъявлениями почтения к Иоанну и с сообщени-

ями о том, что он намерен выступить против Рожера в будущем году. Затем без малейшего промедления старый император ввел специальный налог на всю церковную собственность – чтобы облегчить бремя его собственных расходов на экспедицию – и начал собирать армию.

Для Рожера 1135 г. был плохим. Собственная болезнь, смерть жены, новые неприятности в Италии, как раз тогда, когда казалось, что закон и порядок восстановлены, – вполне достаточно, чтобы у человека опустились руки. Но этот год, по крайней мере, закончился лучше, нежели начался; и три зачинщика бунта, Роберт, Райнульф и Сергей, отступив с такой невероятной быстротой за стены Неаполя, ясно доказали свою неспособность вести борьбу без поддержки извне.

И все же, пока еще оставалась надежда на эту поддержку, они отказывались сдаться. Теперь Роберт Капуанский также потерял свой последний шанс на прощение. Терпение короля иссякло. Чуть раньше он сделал своего старшего сына Рожера князем Апулии, а своего второго сына, Танкреда, князем Бари, лишив мятежного князя Гримоальда его владений. Этой осенью он провозгласил третьего сына, Альфонсо, князем Капуи вместо Роберта – вскоре после этого мальчика официально возвели в княжеское достоинство в кафедральном соборе Капуи. Все они были желторотыми юнцами, герцогу Рожеру едва исполнилось семнадцать, Танкред был на год или два младше, а Альфонсо едва вступил в пору отрочества. Но все трое были достаточно взрослыми, чтобы служить орудиями в исполнении замыслов своего отца, а эти замыслы заключались в том, чтобы не допускать появления могущественных вассалов вне его собственной семьи. К концу 1135 г. впервые все главные фьефы южной Италии оказались в руках Отвилей.

Всю эту зиму Неаполь держался. К весне 1136 г. в городе начался голод. Фалько упоминает, что многие жители, молодые и старые, мужчины и женщины, падали и умирали на улицах. И все же, добавляет он гордо, герцог и его сторонники оставались тверды, «предпочитая умереть с голоду, но не подставить свои выи под ярмо дурного короля». К счастью для них, Рожеру так и не удалось отрезать город полностью от внешнего мира; хотя осаждавшие перекрыли все подходы к Неаполю по суше, сицилийский флот не сумел достичь таких же результатов на море, так что и Роберт, и Сергей от случая к случаю выбирались в Пизу за припасами. Даже при подобной поддержке не похоже, что неаполитанцы смогли бы и дальше сохранять присутствие духа, если бы Роберт не совершил короткую вылазку ко двору Лотаря в Шпейер и не вернулся нагруженный императорскими наградами, чтобы сообщить, что император уже значительно преуспел в подготовке освободительной экспедиции.

Схожие сведения достигли и ушей Рожера, чьи соглядатаи не оставили у него никаких иллюзий по поводу того, сколь могучей будет императорская армия. Рожер начал собственные приготовления, исходя из того, что силы врага будут значительно превосходить по численности любое войско, какое он сможет собрать. На победу силой оружия рассчитывать не приходилось; оставалось полагаться на хитрость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.